

Воспитаніе война можетъ быть только въ стыдѣ наказанія, а не въ страхѣ наказанія.

Если бы я вдругъ увидѣлъ на Невскомъ проспектѣ разгуливающихъ ихтиозавровъ, плезиозавровъ, динозавровъ и т. п. допотопныхъ, то не былъ бы больше удивленъ, чѣмъ теперъ, когда я прочелъ увѣреніе г-на В. Н—аго въ № 104 «Русскаго Инвалида»—будто армія охраняется отъ злой воли преступниковъ *страхомъ* наказаній по уставу дисциплинарному и книгѣ XXII, и что будто законодатель, «заставляя бояться (?) наказаній дисциплинарныхъ, не говоря уже о XXII кн. Св. В. П.», именно имѣлъ въ виду этимъ страхомъ наказаній (замѣтите: даже дисциплинарныхъ) воспитать армію, спаять ее и охранить ее; будто законодатель, устанавливая наказанія дисциплинарныя («не говоря уже о XXII кн.»), и не могъ имѣть ничего иного въ виду, кромѣ этого—*заставить бояться*».

Авторъ, видите ли, въ ужасѣ отъ высказываемыхъ мною взглядовъ, что страхъ есть опаснѣйшая болѣзнь духа и что воспитаніе въ страхѣ—есть явное и величайшее заблужденіе, сознан-

ное и за границей и у насъ, и обществомъ и законодателями, еще въ вѣкъ Екатерины II, что и было выражено официально.

II г. Н—ій страшно тревожится: «Становясь на точку такого воспитателя духа» (это меня, значитъ), «невольнo напрашивается вопросъ ужасный (по въ чемъ ужасъ-то?) для всего уклада военной жизни: нуженъ ли въ арміи страхъ наказанія?... Мрачныя недоразумѣнія! *Армія не должна знать никакого страха!* (совершенно вѣрно, иначе это будетъ не армія). «*Страхъ*», по А. Дмитревскому, *опаснѣйшая бользнь для здороваго духа челоуька вообще, въ особенности для воина...*»

Увы! когда я на Невскомъ люблю культурными видами, мнѣ не только «невольнo», а и насильно не «напросится» вопросъ, да еще будто бы ужасный для уклада жизни—можно ли на Невскомъ обойтись безъ ихтиозавровъ, плезиозавровъ, динозавровъ...

Когда я смотрю на современное воспитаніе дѣтей (у умственно развитыхъ родителей) безъ страха розги при обученіи грамотѣ; когда я вообще всматриваюсь въ жизнь, всматриваюсь въ результаты воспитанія въ страхѣ или, наоборотъ, въ результаты воспитанія въ чувствѣ долга и въ возбужденіи интереса и приохочиваніи; когда я *даже въ учебникахъ законовѣдѣнія для подпрапорщиковъ* читаю¹⁾, что «*въ настоящее время въ карательной дѣятельности государства особенно сильно выдвигается цѣль исправленія...*» [причемъ необходимо оговориться, что можно признавать цѣлесообразность или даже необходимость кары (наказанія) въ воспитательномъ отношеніи, но не признавать цѣлесообразности или тѣмъ болѣе необходимости *страха* кары (наказанія)]: я убѣждаюсь, что мы учимъ, чтобы тотъ, кто провинился—пусть отбудетъ безстрашно наказаніе и, убѣдившись въ подчеркнутомъ наказаніемъ (часто условномъ—замѣчаніе и т. п.) промахѣ, проступкѣ, постарается не повторять того же самаго. Верхъ всѣхъ уголовныхъ наказаній—тоже по учебникамъ для подпрапорщиковъ²⁾—съ одной стороны, устрашеніе преступниковъ (но не воспитываемыхъ въ арміи), но, съ другой, тамъ же оговаривается, что «опытъ показываетъ, что при частомъ примѣненіи смертной казни преступленія не уменьшаются, а, напротивъ, учащаются...», что «благодаря наказаніямъ, хотя на время (при смертной казни совсѣмъ), изъ общества удаляются вредныя личности» (въ этомъ или въ исправленіи преступниковъ и заключается главный смыслъ и цѣль наказаній, а

¹⁾ Добровольскаго, изд. 1905 г.

²⁾ Вишнякова, изд. 1908 г.

вовсе не въ «устрашеніи») ... Когда я слышу кругомъ: надо служить «не за страхъ, а за совѣсть (чувство долга)» и въ особенности, когда я вспоминаю историческій афоризмъ Екатерины Великой, что «природа дала человѣку стыдъ вмѣсто бича», и принимаю при этомъ во вниманіе, что современная наша армія составляется не изъ преступниковъ и что, напротивъ, послѣдніе выбрасываются моментально изъ арміи, то мнѣ этотъ вопросъ «ужасный для всего уклада военной службы» — о необходимости воспитанія арміи въ *страхъ наказаній*, вмѣсто воспитанія въ *стыдъ* наказаній (относится къ совѣсти, къ чувству долга), представляется допотопнымъ плезиозавромъ на Невскомъ проспектѣ.

«Мрачное недоразумѣніе» не въ томъ, что страхъ есть опаснѣйшая болѣзнь духа и воспитаніе въ страхѣ есть душегубство всей арміи и отечества, а въ томъ, что въ XX вѣкѣ забываютъ или не хотятъ принять простыхъ и ясныхъ истинъ, высказанныхъ болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ нашей Великой Императрицей Екатериной II, которая всѣми своими дѣлами подтверждала, что не страхомъ наказаній, а чѣмъ-то другимъ, держатся и укрѣпляются основы арміи и даже государства.

«Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми», сказала она.

А г. Н—ій въ 1913 году фанатически увѣряетъ (притомъ иронизируя надъ моей темнотой), что нашу армію отъ преступленій охраняетъ *страхъ наказаній* ... Слѣдовательно, по логикѣ г-на Н—аго, чѣмъ мы въ большемъ страхѣ наказаній воспитаемъ свою армію, чѣмъ строже будутъ наказанія по уст. дисц. и кн. ХХII, тѣмъ больше охранимъ армію «отъ злой воли преступниковъ, тѣмъ выше будетъ ея нравственный элементъ» ...

* *
* *

Не надо быть психологомъ, чтобы понять, что сторонники воспитанія въ страхѣ, сторонники увеличенія строгости наказанія (увеличенія дисциплинарныхъ правъ), оказывающіеся въ концѣ концовъ сторонниками розги, смѣшиваютъ: *воспитаніе въ страхѣ наказанія съ воспитаніемъ въ стыдъ наказанія*.

Исторія жизни, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ всего міра, показываетъ, что, какъ сказала Екатерина Вели-

кая, человѣку природа дала стыдъ, вмѣсто бича, а потому и управлять человѣкомъ и воспитывать его надо съ помощью стыда; бичъ же надо оставить для животныхъ (у которыхъ, какъ извѣстно, чувства стыда совершенно не имѣется) или для людей на самой низшей ступени развитія, явно обнаруживающихъ отсутствіе чувства стыда.

Стоитъ только оглянуться на окружающую жизнь, вспомнить свои кадетскіе и училищные годы, вспомнить рассказы Помяловскаго о бурсѣ и т. п. рассказы, чтобы уяснить себѣ ту простую аксіому воспитанія, *что если наказаній не стыдятся, то ихъ и не боятся.*

Въ бурсѣ уродливое направленіе воспитанія привело къ тому, что *стыдили* не за то, что бурсаки доводили себя до наказанія розгами, а именно за то, если кто боялся наказанія, т.-е. за «страхъ» наказанія, за «страхъ» сѣченія розгами... И мы знаемъ, что тамъ страхъ наказанія розгами — не дѣйствовалъ, не былъ нуженъ.

Въ прежнихъ военныхъ гимназіяхъ, въ кадетскихъ корпусахъ, именно для того, чтобы доказать свою безбоязненность передъ наказаніемъ, нѣкоторые, рискуя даже своимъ будущимъ, добивались наказанія.

Чрезвычайно поучительнымъ кажется мнѣ фактъ въ одной изъ существовавшихъ раньше военныхъ прогимназій. Какъ въ бурсѣ, всякіе проступки, шалости и пакости противъ своего начальства, воровство даже, считались молодечествомъ, удалствомъ, лихостью. Но вотъ пріѣхалъ новый директоръ съ просвѣщенными взглядами на воспитаніе (именно въ духѣ стыда, вмѣсто бича). Послѣ первой же обнаруженной кражи (вина и сметаны изъ погреба одного изъ воспитателей), директоръ приказалъ построить всю прогимназію и вызвалъ виновниковъ. Гордые своей «преступностью» и аффектируя свое презрѣніе къ предстоящему сѣченію розгами—смѣло, даже вызывающе дерзко, съ напускной веселостью, подошли къ директору мнившіе себя «Стеньками-Разиными» жалкіе мальчуганы. Всѣ ожидаютъ розогъ, воды соленой и прочихъ атрибутовъ... Нѣкоторые даже завидуютъ тѣмъ, которыхъ будутъ сѣчь, такъ какъ, если мальчики не пикнутъ при сѣченіи, то, какъ послѣ удара по спинѣ мечомъ, они этимъ были бы какъ бы посвящены въ герои, въ «безстрашные», и стали бы предметомъ почтенія для всѣхъ.

Но, увы, директоръ не далъ свершиться подвигу презрѣнія къ розгѣ («къ страху наказанія»).

«И не стыдно вамъ, сыновьямъ честныхъ офицеровъ, уподобляться презрѣннымъ воришкамъ?» обратился онъ къ виновникамъ со смѣшаннымъ чувствомъ жалости къ мальчикамъ и гадливости къ совершенному. «Такъ вотъ вамъ, не для боли, а для стыда передъ всѣми товарищами» — и директоръ влѣпилъ каждому по пощечинѣ... Дальше ни розогъ, ни ареста не было; сбавили лишь баллы за поведеніе. Но вся прогимназія ясно сознала, что герои сегодняшняго дня далеко не герои и что воровство далеко не подвигъ и не молодечество, а нѣчто такое, чего надо стыдиться и на что «хорошіе» люди смотрять съ отвращеніемъ, съ гадливостью.

Кто не слышалъ про прежнюю поговорку: «кто не сидѣлъ подъ арестомъ, тотъ не офицеръ». И пока не восторжествуетъ сознание постыдности лишенія офицера свободы, подобно лишенію свободы вредящихъ обществу, т.-е. пока не сознается ошибка воспитанія корпуса офицеровъ въ страхѣ наказанія, а не въ стыдѣ его, — арестъ, какъ наказаніе, будетъ не только не дѣйствительнымъ, но и подрывающимъ понятія о нравственности и въ особенности о долгѣ; онъ не будетъ считаться постыднымъ.

Очевидно, «виды», «замѣчанія», «выговоры» установлены законодателемъ не для «страха наказанія», не для устрашенія испытанныхъ рыцарей безъ страха (и упрека), офицеровъ, а только для «усовѣщанія» (чтобы пристыдить хоть въ легкой степени).

Очевидно также, что если бы «страхъ наказанія» удерживалъ «злую волю» отъ казнокрадства и тому подобныхъ прелестей, то — или бы онъ удержалъ всѣхъ отъ казнокрадства и т. п., или никого, въ зависимости именно отъ достаточной или недостаточной силы этого страха наказанія. И какъ выводъ изъ этого долженъ былъ бы получиться абсурдъ, что *чѣмъ кто трусливѣе, чѣмъ кто больше боится наказаній, тѣмъ онъ надежнѣе на стезь гражданской и воинской добродѣтели и доблести* и, наоборотъ, *чѣмъ кто неустрашимѣе, тѣмъ онъ ненадежнѣе и подозрительнѣе, на счетъ присутствія въ немъ «злой воли»*. А отсюда и слѣдующій выводъ — что государству для внутренняго спокойствія отъ «проявленія злой воли» слѣдуетъ воспитывать и *у воиновъ не храбрость и неустрашимость, а страхъ передъ наказаніемъ*, заключающимся однако въ такихъ лишеніяхъ или въ такомъ причиненіи боли (сѣченіе розгами), которыхъ воину *стыдно* бояться.

Ясно, что казнокрадство прекратится тогда, когда всѣ проникнутся сознаниемъ постыдности для чести и достоинства война

и гражданина подобнаго дѣянiя. Этого сознанiя раньше не было; напротивъ, говорили открыто, съ убѣжденiемъ: «вовсе не грѣхъ нагрѣть казну; вѣдь казна у насъ всегда норовитъ что-нибудь урвать»...

И никакiя ревизiи и никакiя наказанiя не искореняютъ казнокрадства, пока соотвѣтствующее воспитанiе въ понятiяхъ о крайней постыдности подобнаго дѣянiя не исключитъ возможности какихъ либо компромиссовъ, какъ съ собственною совѣстью, такъ и съ мнѣнiемъ общества.

Вѣдь взглядитесь въ жизнь: вы увидите, что совѣтъ не важно — какое наказанiе понесетъ судимый; важно только признанiе его виновнымъ или невиновнымъ, т.-е. важенъ приговоръ общественной совѣсти. Въ этомъ сила и влiанiе и огромное значенiе условнаго осужденiя.

«Экспроприацiи» совершались вовсе не потому, что исчезъ страхъ наказанiя за разбой и грабежъ, а потому, что «экспроприацiй» перестали стыдиться многiя слабыя души, увлеченныя безумными ученiями о равномѣрномъ распредѣленiи богатства.

Точно также не отсутствiе наказанiя за соблазнъ жены или сестры товарища явилось причиною практикующейся готтентотской морали: «я соблазнилъ или укралъ чужую жену — хорошо, благо; у меня соблазнили или украли мою жену — плохо, зло», — а отсутствiе сознанiя постыдности донъ-жуанства, вслѣдствiе воспитанiя во взглядахъ, «что побѣды надъ женщинами — славны»...

Мордобойство всегда преслѣдовалось, какъ уголовное преступленiе по кн. XX-й, но стало исчезать только тогда, когда прониклись постыдностью и позоромъ мордобитiя.

Практика военной службы не только показываетъ, но все время подчеркиваетъ, что всѣ воинскiе чины удерживаются отъ проступковъ и преступленiй не «страхомъ наказанiя», а *мучительнымъ сознанiемъ, что совершенiе того или другаго проступка или преступленiя унижаетъ его въ глазахъ общества, начальства, т.-е. — стыдомъ.* Вотъ почему проступки и преступленiя уменьшаются и люди исправляются не тамъ, гдѣ преобладаетъ безразсудная строгость и внушенное тупое убѣжденiе, что наказанiя за проступки и преступленiя на военной службѣ установлены именно для страха, «для поддержанiя этой службы», «для дисциплины» или же, наоборотъ, какъ будто для закалки, — а тамъ, гдѣ основательно внушается, что несовершенiе того, *что должно*, что требуется отъ воина во имя пользы и интереса Царя и Отечества, есть стыдъ и

позоръ для сына Царя и Отечества, и что наказаніе только подчеркиваетъ несоотвѣтствіе такихъ то проступковъ и преступленій съ званіемъ защитника Царя и Отечества.

Пока приговаривалось: «пьянъ да умень—два угодыя въ немъ» и что «Руси веселіе есть пити»—никакіе страхи наказанія не въ состояніи были удержать отъ желанія «выпить на копѣйку, а показать на рубль». Но вотъ когда, напримѣръ, въ Манчжуріи въ пьяницу плюютъ всѣ прохожіе китайцы, около него собирается толпа и начинаетъ поносить его, внушая стыдъ и отвращеніе у дѣтей къ подобному состоянію опьяненія, то, конечно, только тотъ будетъ напиваться, кто уже потерялъ стыдъ, совѣсть. т.-е. то, что отличаетъ его отъ животныхъ.

* * *

Не для того, чтобы подчеркнуть ошибку оппонентовъ, я не пропускаю даннаго случая смѣшенія однихъ явленій души съ другими, благодаря пренебреженію къ выводамъ науки о душѣ (психологіи); дѣлаю это только въ виду того, что подобное смѣшеніе является пагубнымъ и даже роковымъ при воспитаніи арміи и всего государства. Такъ, благодаря смѣшенію личнаго самолюбія, честолюбія, славолюбія съ чувствомъ чести и достоинства, стали воспитывать въ самолюбіи, честолюбіи, славолюбіи и послѣ удивляются «игрѣ самолюбіи, честолюбіи, славолюбіи» часто въ ущербъ именно чести и чувству собственнаго моральнаго и интеллектуальнаго достоинства.

Теперь пытаются страхъ наказанія смѣшать со стыдомъ наказанія, и... можно только представить себѣ будущихъ рыцарей *безъ страха* и упрека, воспитанныхъ именно *въ страхъ* (да еще только наказанія), «злую волю» которыхъ будетъ удерживать не совѣсть, не чувство долга, не чувство воинской чести, а именно этотъ вотный страхъ наказанія.

Считаю своимъ долгомъ отмѣтить чрезвычайную путаницу понятій въ выраженіяхъ г. Н—аго, въ родѣ слѣдующаго: «Да развѣ страхъ смерти самый ужасный страхъ? Не ужаснѣ ли для военнаго страхъ (?) оказаться не храбрымъ?»... Выходитъ такъ: не ужаснѣ ли (высшая степень страха) для военнаго страхъ—почувствовать въ себѣ страхъ?.. Явно, что г. Н—ій хотѣлъ сказать такъ: «не ужаснѣ ли страха смерти стыдъ для военнаго быть не хра-

брымъ, т.-е. стыдъ не преодолѣть въ себѣ чувство страха той же смерти (такъ какъ храбрость и есть преодолѣніе чувства страха, что для военнаго обязательно, а не только возможно).

Слѣдующія соображенія и опредѣленія страха и стыда легко покажутъ смѣшеніе этихъ понятій.

Какъ я не могу себѣ представить плезіозавра на Невскомъ, такъ я не могу представить себѣ, чтобы кто нибудь не зналъ— что такое страхъ и какъ онъ дѣйствуетъ на организмъ. Но приходится повторяться. Страхъ есть *ожиданіе* зла, бѣды, непріятности, боли и т. п. Отсюда понятно—почему «страхъ оказаться не храрымъ», т.-е. ожиданіе для себя возможности оказаться не храрымъ есть уже самовнушеніе, есть уже осуществленіе этой возможности, а потому ясно, что при воспитаніи воина этого допускать не слѣдуетъ. И всѣмъ извѣстно, что во всѣхъ атлетическихъ упражненіяхъ, въ лѣченіи болѣзни, успѣхъ достигается исключительно при условіи преодолѣнія страха. Кто не зналъ на службѣ великолѣпно физически развитыхъ евреевъ, которые однако никакъ не могли выучиться прыгать черезъ кобылу и дѣлать другія гимнастическія упражненія, по неумѣнію справиться съ чувствомъ страха. Всѣмъ также извѣстно, что страхъ болѣзни (мнительность) внушаетъ болѣзнь.

Кто занимался самовоспитаніемъ, воспитаніемъ другихъ и отдавалъ себѣ отчетъ въ самовнушеніи и внушеніи, тотъ знаетъ, что малѣйшее допущеніе страха грозитъ неисполненіемъ своего желанія, стремленія къ чему бы то ни было, по той простой причинѣ, что страхъ есть не только неувѣренность въ своихъ силахъ, а прямой собственный приговоръ своей слабости или невозможности борьбы. Вѣдь ясно, что, если я *боюсь* съ кѣмъ нибудь бороться, то признаю себя слабѣе и приговариваю себя къ пораженію. Притомъ страхъ парализуетъ волю и потому разрастается въ преобладающее (доминирующее) чувство; допущенный въ одномъ случаѣ онъ окажется непреодолимымъ и въ другихъ случаяхъ. Вотъ почему прежде воспитывали воиновъ такъ, чтобы они «лѣзли на рога самому чорту». И это правильно, потому что какой бы то ни было страхъ дѣлаетъ постепенно человѣка боязливымъ и во всемъ остальномъ со всѣми признаками и послѣдствіями этого низшаго чувства. А что можетъ быть парадоксальнѣе выраженія: «боязливый воинъ» или «воинъ со страхомъ».

Надо имѣть въ виду, что, *съ развитіемъ интеллекта, «страхи все болѣе и болѣе разсыиваются и пропадаютъ (страхъ тем-*

ноты, чудовищъ, суетьрныя страхи и т. п.), уступая мѣсто въ случаѣ основательности страха—осторожности, опасенію.

Въ противоположность страху, стыдъ представляетъ собою сложное душевное состояніе, свойственное только людямъ, и обозначаетъ собою начало высшей жизни ³). «Чувство стыда поднялось до высоты чувства совѣсти» ⁴); опредѣляется стыдъ, какъ «мучительное сознание, что наши физическіе или нравственные недостатки видны другимъ» ⁵)... Чувство стыда начинается съ понятіемъ о наготѣ, а затѣмъ «постепенно поднимается на высоту цѣломудрія, чистоты, чувства чести, благородства души и сознанія нравственного достоинства» ⁶).

Именно это и приличествуетъ воину, а потому въ воспитаніи воина надо развивать чувство долга (совѣсть), чести, достоинства и неизбѣжный съ ними стыдъ, а никакъ не страхъ и не самолюбіе, честолюбіе и т. п., характеризующіе низшую ступень нравственного и интеллектуальнаго развитія.

Вообще надо воспитывать не въ страхѣ наказанія, а въ стыдѣ наказанія. Наказаніемъ—подчеркивать постыдность того или другаго дѣянія, подчеркивать несовмѣстимость его съ воинскимъ званіемъ, но только не устрашать, такъ какъ *устрашенный* пушашной непріятностью воиновъ очевидно уже не воинъ: онъ естественно будетъ тѣмъ больше устрашаться, чѣмъ больше будетъ опасность.

Воина безъ страха и упрека можно воспитать только по системѣ: «то и то *надо*, т.-е. должно, исполнить, или того-то и того-то *надо*, т.-е. должно, достигнуть, а если не будетъ исполнено или достигнуто, то будетъ тебѣ непріятно, совѣстно, стыдно, будетъ *упрекъ* совѣсти».

Безсмертное слово Святослава: «мертвые бо *сраму* не имуть»—характеризуетъ воспитаніе его воиновъ въ презрѣніи къ страху смерти и въ развитіи чувства «стыда» («срама»).

Не имѣю возможности остановиться на всемъ томъ, что меня поражаетъ въ статьѣ г. Н—аго, но невозможно пропустить его заявленія, что «у святыхъ воиновъ первымъ была молитва, а вторымъ дѣло»..., а также неумѣстнаго примѣра... религіозности своего дѣда.

Какъ это г. Н—ий не принялъ во вниманія щекотливости подобныхъ доказательствъ (примѣрами близкихъ себѣ людей или лицъ, священной памяти для себя) въ полемикѣ. Вѣдь въ томъ, что въ любимомъ лицѣ кажется верхомъ правды, истины, «религіозности», дру-

³), ⁴), ⁵) и ⁶) Проф. Сикорскій.

гіе могутъ увидѣть верхъ несправедливости и суевѣрія... Г. П—ій характеризуетъ привычку дѣда крестить ротъ, когда онъ зѣвалъ, «мелочной религіозностью»... Какъ ни щекотливъ отвѣтъ, но я беру смѣлость увѣрить г. Н—аго, что не только всякій человѣкъ ХХ вѣка, но и просвѣщенный священникъ найдетъ это не «религіозностью», а—суевѣрною привычкою, хотя подобно г. Н—му, отнесется къ этой привычкѣнисходительно и даже, можетъ быть, поощрительно.

Наконецъ, относительно защиты г. Н—имъ мнѣнія г. Гр. А. Д., что ребенокъ отъ чудовищъ, волковъ и т. п. ищетъ опасенія въ Богѣ, въ молитвѣ, я ограничусь нѣсколькими словами, сдѣлавъ прежде всего заявленіе, что я, навѣрно, еще большій поклонникъ таланта г. Гр. А. Д., чѣмъ г. Н—ій, но я помню и афоризмъ какого-то мудреца или многихъ мудрецовъ, что *геніальное или талантливое еще не есть истина*, такъ какъ можно геніально или талантливо ошибаться, заблуждаться, даже злодѣйствовать.

И какъ ни талантливо и красиво доказываетъ Гр. А. Д. необходимость воспитанія воиновъ въ защитѣ—прибѣганіемъ къ Богу, къ молитвѣ, а г. Н—ій то, что «у святыхъ воиновъ первымъ была молитва, а вторымъ дѣло,—я, твердо усвоившій наставленіе Спасителя-Христа о краткости моленія и о «Божіе—Богови, а Кесарево—Кесареви», не могу представить себѣ воина—тигра, ищущаго при оскорбленіи отечества или одного только ближняго, спасенія у Бога, въ молитвѣ. Не знаю изъ всей исторіи ни одного святого воина, у котораго бы первыми была молитва, а вторымъ дѣло. Не понимаю такого воина вообще, который бы, видя, какъ внѣшніе или внутренніе враги обижаютъ женщинъ или слабыхъ, первымъ сдѣлалъ бы молитву, а вторымъ—дѣло, т.-е. не обнажилъ бы сразу оружіе...

А потому не понимаю для воина и иного воспитанія, кромѣ того, чтобы первымъ рефлексомъ воина было хватаніе за эфесъ клинка, а затѣмъ уже испрошеніе у Бога благословенія на брань за правое дѣло. Такъ (исторія вся говоритъ) дѣлали «святые воины».

А. Дмитревскій.

